

Театр фальшивых пьес

Ленинградский Драматический театр им. Ленсовета был создан в годы Отечественной войны в осажденном городе-герое. Работники театра проявили тогда исключительную энергию, большую любовь к своему делу. Под грохот артиллерийских обстрелов, в холодном помещении репетировали они и играли спектакли. Театр этот до сих пор называют «блокадным театром». Его актеры и режиссеры показали себя настоящими ленинградцами в дни войны.

Однако в последнее время молодой театр и его руководители проявили странный вкус в выборе репертуара. Для создания спектакля о современности театр привлёк драматургов Казакова и Мариенгофа и в конце прошлого года осуществил постановку их пьесы «Преступление». Казаков и Мариенгоф использовали в своей пьесе серьезную и ответственную тему — воспитание детей в советской семье. Но, по их представлению, в воспитании советских ребят не участвуют ни школа, ни комсомол, ни общественная среда. Все эти факторы драматурги искусственно выключили из пьесы, построив ее конфликт на типично-уголовном происшествии.

Основные «герои» пьесы — Жора и Игорь — в том возрасте, когда советские юноши вступают в комсомол. Но Жоре и Игорю захотелось другой жизни... Пьеса начинается с того, что эти два паренка поджидают на лестничной площадке актрису Светлицкую, чтобы стащить с нее каракулевое манто. Авторы обогнали советских юношей только для того, чтобы построить «занимательный», по их мнению, сюжет. Советские дети в этой пьесе — почти немые. У них нет ни мыслей, ни чувств, они растут вне коллектива и фактически вне семьи. Столь же фальшиво изображены и родители этих детей. Авторы уродливо, клеветнически изображали советскую семью и советских юношей, сделав частный, уголовный случай предметом «литературного» обобщения. Зритель справедливо дал этому спектаклю отрицательную оценку.

Казалось бы, этот урок мог научить театр многому. К тому же Ка-

заков и Мариенгоф, как литераторы, уже не в первый раз продемонстрировали непонимание психологии советских людей и неумение объективно освещать их жизнь. Тем не менее, театр упорно продолжал сотрудничать с ними и поставил новый их «покус». При этом он еще более оскандалился. Мы имеем в виду спектакль «Золотой обруч», подготовленный театром в начале этого года. Спектакль оказался настолько антихудожественным, что театру пришлось отказаться от показа его зрителям. Это и неудивительно. Пьеса Казакова и Мариенгофа «Золотой обруч» нудно и многословно трактует о «личной жизни» и «любовых отношениях». Как и первое произведение Казакова и Мариенгофа, она абсолютно чужда духу советской действительности.

Эти две работы театра ярко свидетельствуют о том, что он не умеет выбирать современные пьесы. Незыскательность к репертуару, примитивное понимание запросов советского зрителя — вот что характеризует руководство Драматического театра им. Ленсовета. Ленинградское управление по делам искусств спокойно созерцало промахи театра. Больше того. Есть основания думать, что оно разделяло вкусы театра в выборе пьес, ибо его репертуарные планы утверждались Управлением.

М. Зощенко также нашел приют в лагунах у руководителей этого театра. Его карикатурно-анекдотические пьесы — «Парусиновый портфель» и «Очень приятно» — явились как бы программными работами театра. В период просмотра новых постановок, осуществленных в 1945 году, «Парусиновый портфель» был отнесен руководством театра к числу лучших спектаклей. Некий «И. И.» в статье, помещенной в изданной Управлением по делам искусств брошюре о смотре лучших спектаклей, писал: «Перед зрителем проходит вереница добродушных, карикатурно-острых и типических силуэтов, жаряных фигур... В этом спектакле целое менее значительно, чем интересные сатирические частности; но эти пос-

ледние так хороши и их так много, что смотрится «Парусиновый портфель» с неослабевающим вниманием». Так рекламировались в Ленинграде идейно-порочные спектакли.

«Парусиновый портфель» — пришлая, типично ремесленная, абсолютно безыдейная пьеса. В ней Зошенко так же, как и во всем своем «творчестве», вновь проявил себя, как писатель, чуждый советской действительности. Пьеса построена на вздорном, неправдоподобном происшествии. Герой «пьесы» — руководитель советского учреждения Баркасов заболел. Врач рекомендует Баркасову для исцеления... сходить вечером в театр с какой-нибудь сотрудницей. Баркасов принимает к исполнению этот «рецепт» и, по воле автора, попадает в глупейшие ситуации. Зубоскальство ради зубоскальства — таков смысл этой стряпни, которая рекламировалась руководством театра, как образец современной пьесы.

В этом году основной работой театра явилась постановка другой пьесы Зошенко — «Очень приятно». В этой пьесе представлены такие же нелепые фигуры, как и в «Парусиновом портфеле». Однако фальшь пьесы усугубляется тем, что некоторые персонажи ее одеты в военную форму. Это, по мнению Зошенко, — офицеры советской армии.

За всей кутерьмой, происходящей в пьесе, скрывается издевка над советскими людьми.

Вот эти-то «пьесами» и исчерпывается «современный» репертуар Ленинградского Драматического театра им. Ленсовета. Он предоставил свою сцену для пропаганды порочных произведений, которые своей безыдейностью и прямой клеветой на советскую действительность способны лишь отравлять сознание зрителя. Сцена этого театра — кривое зеркало. В нем советский человек видит себя изуродованным до неузнаваемости.

Исправить репертуарную политику театра — неотложная задача Ленинградского управления по делам искусств.

Б. БОРИСОВ.

Советское Искусство

г. Москва
23/VIII - 1946 г. № 35 (1019)